

Я в Берлине

~~1918 wird nicht wiederholen~~

Strake

С М Е І І А

7-8
1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Александр ГУТОРОВИЧ — Как это было.

★

Яков МАКАРЕНКО — Поверженный Берлин.

★

Лев ОШАНИН — Встреча.

★

А. ПИСЬМЕННЫЙ — Была война...

★

Сергей ВАСИЛЬЕВ — Проходница.

★

Б. ИОФАН — Дворец Советов.

★

А. ТРОЯНОВСКИЙ — Из воспоминаний о Рузвельте.

★

Эдуард ЭРРИО — Читателям журнала «Смена».

★

Олег ЕМЕЛЬЯНОВ — Летающий форвард.

★

Юр. АКСЕЛЬ — Проделки Хашека.

★

Мысли и афоризмы.

★

Лев ОЗЕРОВ — Первая книга стихов.

★

Г. КОЛОДНЫЙ — Тушь капитана Вышпольского.

★

Шахматы. Под редакцией гроссмейстера В. Смысlova.

★

Календарь «Смены». Знаете ли вы эти картины? Вокруг света. Кроссворд.

★

Рисунки художников Г. Вальке, Д. Дубинского, Ю. Рейнера.

★

На вкладках:

«БЕРЛИН. САЛЮТ ПОБЕДНОМУ ЗНАМЕНИЮ, ВООРУЖЕННОМУ НАД ЗДАНИЕМ РЕЙХСТАГА» — фототюз Я. РЮМИНА.

ЕГОР АГАРКОВ — фототюз Г. БОРИСОВА.

★

На обложке: «Мы в БЕРЛИНЕ!» — рисунок художника В. КЛИМАШИНА.

★

СМЕНА 7—8, 1945 г.

СМЕНА

№ 7—8

Апрель

1945 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский на наблюдательном пункте.

Фото Р. Кармен

Этот исторический снимок сделан в дни боя за Берлин в апреле 1945 года. Советские воины продвигаются к зданию рейхстага, чтобы в самом сердце германской столицы подружить знамя победы.

Фото И. Шагина.

ГЕРМАНИЯ НА КОЛЕНЯХ

Александр ГУТОРОВИЧ

I. Как это было

Уже много дней я живу в здании рейхстага и здесь ежедневно встречаюсь с солдатами и офицерами, которые брали штурмом рейхстаг. Мне хочется рассказать, как проходил этот штурм, как наши герой овладели этим громадным домом, который генералы объясняли «самой большой спасибою русским».

— Мы взяли бой за рейхстаг на мосту Мольтке, — сказал мне Зинченко, комиссар полка, который первый форсировал в рейхстаг.

Я помню и этот мост и эти исторические минуты.

— Солдаты, — сказал полковник Зинченко, — через квартал за Шпрее в рейхстаг. Там должно быть воздужено знамя победы! Мы должны выйти с самим первым боем снять с того, кто первым войдет в рейхстаг. Так искрели, наш полк не заворотил эту историческую честь?

Мост Мольтке был забиркирован. Все кварталы вокруг оставались занятими немцами. За мостом на избранной виселись огромные корпуса военного министерства, висящие к плещи на рейхстаге. Пол дождя пуль, под разрывами фугасов, артиллерии, было пробито и сквозь стекла, и сквозь окна здания, где сидели спрятавшиеся немцы. Понять смысла разбросали баррикады, и настроение полковника Зинченко решило проклонить мост.

С утра начали действовать пулеметы. Полковник знал, что снаряды немцев из подвалов не выбьешь. Пулеметы стреляли с другой целью: склоняясь, ударяясь о стены древнего капитального здания, поднимали над мостом облака раковой пыли. Под прикрытием этой завесы из

пыли батальон капитана Неуструева невидимо пробежал мост и занял бой у углового балкона здания. Главные силы немцев находились напротив, в красном корпусе. К иконе солдаты ворвались туда и, теся немцев, поднимая ходами высотчики на Королевскую площадь.

На рассвете 30 апреля майор Соколовский связался с командным пунктом полка и кричал в телефоне прослуженным, но звездным голосом:

— Вижу рейхстаг! Осталось метров 300!

Королевская площадь в эти часы представляла необычное зрелище. Красноармейцы, носившие знамя на плече, тяжко залегли за разбитыми автомашинами, в немецких окопах, срыгнувши прямько передышки за баррикады, обнажившимися деревьями. Бойцы вели огонь по рейхстагу. Через их головы были направлены ракеты. Среди них — ракеты министерства юстиции, стрельба из-за юго-западных окон здания, где сидели спрятавшиеся немцы. Немцы забрасывали площадь флаги-сюрпризы, миражи.

Площадь напоминала весеннее поле, покрытое маками, так много здесь было знамя и флагов. На дальних удачах воинские части, приближившись к рейхстагу, тоже двигались со знаменами. Всем хотелось первыми поднять знамя победы. Артиллеристы, бывшие по рейхстагу из-за Шпрее, прислали delegацию со своим знаменем. Оно было сделано из бархата, с силуэтами Ленина и Сталина в центре.

Всё между тем становилось всё опаснее. Ночь никому не позволяла подняться до конца. Штурм рейхстага начался 30 апреля, в

22 часа 55 минут по московскому времени. Вот как это произошло.

Из глубин парка Тиргартен луч прожектора, стоявшего на опушке леса, заискрил здание рейхстага. Сначала голубой луч обнадил массивные стены здания, пробежал по стеле, в которой зияли дыры от снарядов, затем медленно стал подниматься по колонне вверх к крыше здания. И тогда все лежавшие на Королевской площади видруг увидели на крыше рейхстага большое красное знамя. Ветер играл им драпо и волнуло. По рейхстаге испарялся едкий дым от снарядов. Кто же и как могли там знамя? Кто там драка? насмеялся над противником? Знамя подняло солдат в атаку. Майор Соколовский крикнул: «Товарищи, зашли! И мал! Порядку товарища Сталина подадим — ворвёмся в рейхстаг!». Кто-то запел гимн, и бойцы побежали к рейхстагу.

Кто же, авт-таки, первым вскорупил землю на реихстаге, занесли знамя? Полковник Зинченко учил, что сделали это его разведчики Мельтон Кантари — старей из города Очамчира в Абхазии, и рабочий, торфники из Смоленщины, комсомолец Михаил Егоров. Они в сумерках пробирались к рейхстагу, поднялись по внешней лестнице на крышу, где рвались наши снаряды, подрумянили там знамя и позаком через площадь вернувшись обратно в батальон.

Делегаты от всех родов войск во время боя пронесли знамя победы к реихстагу. И к утру 1 мая реихстаг был занят в знаменах.

Но боя только начинались. Немцы ушли в подземелья и отказались сдаваться. Глубокие,

такие, тёмные подвалы под рейхстагом зигзагообразно тянулись на километры.

Первого мая в рейхстаге длился 12 часов.

Батальоны Неустроева и Данилова заняли первый этаж, закрыли все входы в подвалы, пробились на второй этаж — стали оттуда выбрасывать немцев. К вечеру гитлеровцы выбросили белые флаги, заменив их на красно-белые. Данилов поручал вести переговоры майору Соколовскому. Он спустился в подвалы, и между ним и капитаном немецкой армии, комендантлом рейхстага, произошёл следующий разговор.

— Мы готовы подняться из подвалов, — говорил комендант, — широко расставив ноги и заложив руки за спину, — но при одном условии...

— Какое это условие? — спокойно спросил Соколовский.

— Вы должны сложить оружие.

— Мы? На каком основании? Кто же у кого, во-всему, сидит в подвале?

— У вас тактическое преимущество, у меня — в силах, — ответил немец. — Вы ворвались в рейхстаг, но отсюда обратно не уйдёте. Мы прорвёмся к вам наружу и убьём вас.

Мы не собирались уходить. Наш взлётный полководец Суровцов говорил: «Воюют не числом, а умением». Я придерживаясь на этой линии.

— Я немного читал вашего Суровцова, — ответил немец, — но мне больше нравится наш

Мольтке. Он писал: «На войне нет базисального положения».

— Вам очевидно. Но, по-моему, на этот раз ваш Мольтке вас подводят и засовывают подавёт.

Вы напрасно так говорите. Сейчас вы у меня в плена, а не я у вас. Я могу вас не выпускать из подвалов.

— Вы откуда родом, капитан?

— Из Берлина.

— А я из Москвы. Сегодня все-таки Москва в Берлине, и мы наоборот. Что вон это эласт, если мы убьёте меня? Вы ребята рано не выбьете из подвалов. Но тогда там — наверху — не останется никого из моих солдат.

На этот разговор закончился, и парламентеры расходились.

Всёчные действия возобновились. Из подвалов немцы стали быть в потолок, фуражи-цилинды. Захлопнула северная часть рейхстага. Загорелась архива, картотеки канцелярий. Пожар отступил или батальон в узкий и тесный коридор центрального входа.

Тогда в коридоре, где находились из помещения, стояли прихваты друг к другу, не было возможности подцепляться, выпнуть руку из кармана.

В коридор влетел снаряд и вылетел через противоположную стену, убив пять бойцов.

Начали стрелять немецкие снайперы. Пули снастили под головами.

— Никакой паники. Полнейшая тишина. Стоять настырь! — писал командовал майор Соколовский.

Майор подумал о том, что немцы могут выбираться из подвалов и ударить ему в спину. Осталось

здесь один выход — сквозь пламя в дым про-биваться подвалы и занять там бой.

Так и сделали.

Бойцы ворвались в подвалы и с помощью гранат быстро расширили плацдарм. Решали выкурить немцев джокаром и дымом. Солдаты подпирали баники с бензином, и огнем хлынули в подвалные ходы. Видя полную безнадёжности положения, немцы сдались.

Когда оставшиеся в живых 1700 немцев выстреливались без оружия на площади у рейхстага, санитары вынесли из горящего здания раненых и побывавших в плену. Они попросили привезти им бахус строя пленных. В одном из этого майор приказал остановиться. Немецкий офицер, который вёл с Соколовским переговоры в подвале, узнал его, хотя голова майора была перевязана бинтами. Соколовский строго уставился на него глазами. Немцы вытинались.

— Ну, как ваш Мольтке? — спросил Соколовский. — Выходят, Суровцов too сильнее? А?

Уже много дней я живу в здании рейхстага. Война окончена. Солдаты вернулись в поредевший парк Тиргартен и поутру поют, как у нас в Курске или на Украине. Вот и я в Берлине пришла мирная тишина. Сегодня в рейхстаге первый концерт. Ради трансляции Федор Матвеевич Земцков, начальник радиостанции, на трубе еле слышит оркестр. Придёт на концерт и майор Соколовский, хоть с повязкой на голове, но придёт...

Майор Соколовский, вышедший из здания рейхстага, направляется к выходу.

Яков МАКАРЕНКО

II. Поверженный Берлин

и туча ребятишек, выпрашивающих у бойцов хлеба.

На одной из улиц, по которой лавились изнасилования, мы зошли в квартиру отставшего немецкого генерала, которого гитлеровцы, видимо, не успели заэкироровать. Это был один из видных генералов империалистической войны 1914 года, приближённый Гинденбурга. Конда генерала увидел, что советские войска атаковали в Берлине, с ним случился аполлексический приступ. Бредя в себе, он попробовал подчинить канон. К сожалению, попытка в ней, неоткрыто смотря на улицу. Он был свидетелем второго поражения германской армии, краха

гитлеровской военной машины. Генерал сидел молча, сидел в положении на колени большие хищные руки. Он молчал, но интенсивно в его груди ярость выдавали подрагивающие пышные белоснежные бороды и иероглиф тик на меловом лице.

На другой улице мы зашли в роскошный особняк, принадлежавший промышленнику,

...Напомним памятную дату, когда Берлин дрожал дрожью, когда от русского солдата великий Фридрих всплыл бежал...
На нашем снимке две исторические реликвии времён Семилетней войны. Слева — серебряная медаль, выбитая в честь разгрома русскими войсками Фридриха «Великого» под Кунерсдорфом. На медали надпись: «Победителю над пруссаками». Справа — серебряные трубы с надписью: «За взятие Берлина»; тридцать восемь таких труб были вручены полкам, участвовавшим во взятии прусской столицы в 1760 году.

владельцу завода по выпуску мельничных жерновов.—Карлу Бломке. Особняк был обставлен со всеми достоинствами и подробностями так называемой немецкой бытовой культуры. Каждый предмет, начиная от деревянного ключа и кончая золотым горшком, был обозначен надписью, гласившей, что ключ есть ключ и что горшок есть горшок.

В квартире Бломке царило первополье. Утром ему позвонили и предупредили, что пора оставить квартиру и переехать в западную часть города.

Карл Бломке подошел к телефону и, выслушав, прокричал:

— Поздно! Русские уже здесь!
— Встречите штурмом! — викали кто-то в трубке.

— Русские не штурмут! — ринули Бломке и со злостью швырнули трубку.

Теперь он стоял на веранде, размахивал направо и налево папкой, расточая сладкие улыбки. Но на всему видно было, что ему тошно и для радости оснований нет.

ИМПЕРСКАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ

Лейпцигский театр, берлинский гарнизон кавалерийских полков, временная в городе, не прекращавшая ни на один час в течение десяти суток, утихла. Берлин поднял белый флаг, запростила поклоны.

Вместе с войсками этим же утром я вошел в центр города. Он сильно разрушен. Мигогонные бомбы снесли целые кварталы. Улицы завалены грудами кирпича и битого камня, скрещенными железными балками и щебнем, переброшенными автомашинами и трамвайными вагонами.

На углу Фоссентрасе стоит колоссальный, изогнутый серый дом, внешне напоминающий казарму. Это — здание имперской канцелярии. Здесь, как от сюда свидетельствуют уцелевшие надписи, помещались канцелярия фюрера, персональная адъютантур Гитлера.

Широкая лестница ведет внутрь. Комнаты, коридоры и галереи завалены аттуажами разбитой мебели, бумагами, книгами, изуретившимися бумагами Гитлера и его окружения, мортирами. На стенах висят портреты падших за заседавших здесь в миниатюрах императоров, различных флагов, поддюйфлеров и иных газзарей фашистской базы.

Кабинет Гитлера, многое других и обставление роскошнее. На огромном столе лежат толстые альбомы, где лододр-фюрер изображен в самых величественных поизах. Тут же в папки вложены сотни фотографий, сделанных творческими фотографами, писателями, художниками, которые были способны передать впечатления любой беспомощности почтенному члену. Мальчик малевал дикое, неадекватное письмо даже в самые роковые для Германии дни. На полу лежат и последние фотографии фюрера с его личной подписью; они, видимо, предназначались для поддарков.

На отдельном столике стоит гусиные перья, которыми писал Бисмарк. Гитлер, сиявший себя преемником «зеленого канцлера», хранил многие реликвии бисмарковской эпохи. На самом деле это были обманки, обманки, в которых записаны мельчайшие подробности истории родолюбивого дрездера, доведенного до седьмого колеса. Кровавый шлях тыкался изо всех сил, стремясь доказать свою высокую предназначность...

ПОДЗЕМНОЕ ЛОГОВО

В одном из кабинетов имперской канцелярии были застали гитлеровского советника по физии Цимм. Это был человек на вид лет шестьдесят, седой, с отвисшей нижней челюстью, с бесщечными, полными укуса глазами. Он сразу же стал просить красноречивых выдать ему спирт, чтобы не дать до самого последнего момента, осталась при исполнении своих служебных обязанностей.

Это Цимм проводил все в подземномубище, где военные времена прятались Гитлер и Геббельс. В небольшом саду на Вальдштадт-штрассе возвышалась зелено-серая крыша

здавленного в землю здания. Это было пятиэтажное, построенное из бетона и стали, с толстыми перекрытиями и бомбоубежищами фашистских министров, превращенное в подземные квартиры. Примка к бомбам, гитлеровские зрывали и их смысли залезли в душную, каменную кору и жили в ней многие месяцы.

Квартира Гитлера и Геббельса называлась «на самой вершине земли». Согласно ее легенде, эта комната была защищена несколькими рядами многоугольных овалов, служащих перегородками между этажами. Цимм заметил предсматриваемую взрывом с собой имперской канцелярии стерильную сцену, и поступкам каменной лестницы мы в сопровождении нескольких красноармейцев спустились вниз. Кругом были разбросаны густы, непроглядная темнота; электроплитка не горела.

Вот здесь же есть квартира Гитлера и Геббельса — проповедование сказала Цимм, когда мы достигли пятого этажа бомбоубежища и прошли, насыщаясь на стены, несколько метров по узкому коридору. — Тут они живут.

— Какой там живут? — заметил молодежный автоматчик, поклонившись Ивану Чумаченко. — Тут, в этих катакомбах, этой «форте» да колхозов Геббельс пряталась от смерти.

Подземные гнездовидные «форты» состояло из двух небольших комнат. Посредине первой

стояла покрытый цветной шифером скамейка, стояли и четырьмя ногами на полу. Опустились балки, и в бомбоубежище винто, козырь и ее гостям сиделось в подземелье весьма беспокойно. На скамье осталась бутылка недавно красного вина и несколько рюмок.

Во второй комнате стояла железная кровать, покрытая грязным одеялом, белая фарфоровая ваза и полуторацентровый динар. Достопримечательностью этой комнаты были огромные — от пола до потолка — якоря, аннамитские три стены «форта» любили кривляться, как обезьяны, перед зеркалами. Он насаживал, «обратившись» в змеи, обсыпалась мицами и стала тут же собачьей мордой.

На полу в этой же комнате валялись брошенные кресты и ордена Гитлера, кориньевый ассасинский костюм, в котором он любил шагать на парпахах, под кроватью был обнаружен забытый японской прапорщиком сапог.

Но и солю же было, наизверг, в последнюю минуту «форту», раз в одном сапоге ускользнула — сказал кто-то из бойцов.

Передай через коридор, мы очутились в квартире Геббельса. Он заснул в подземелье три комнаты. В первой комнате — столовой — находился только стол и несколько стульев. За второй, фарфоровой, кроватью гардеробы с личными группами, медальюми, подогнанными к отлезущим, на одном из членов красной тинсейной корки были надписаны: «Доктор Геббельс». Но существо не удалось. Берлин был окружён со всех сторон, и членодань там и остались стоять на месте.

Спальная заставлена бумагами, одеждой, туалетами, посудой. Всё оно сладко испеплено и приготовлено к бегству. Завер, застянутый в своей глубокой подземной яре, метался из стороны в сторону, но уже ничто не могло спасти его.

Третья комната была детской.

— Вот так гнездышко! — сказал Иван Чумаченко. — Нора, кротовы нора. Но и отсюда наиза характеристика рука выскользнула проявленное зенитное орудие. Эх, и до чего же я рад сегодня!..

*

Унтер-ден-Линден — одна из главных магистралей Берлина. Её пересекают торжественные Бранденбургские ворота. Немцы пытаются использовать термин с военным подтекстом. Неподалеку от Бранденбургских ворот в парке Тиргартен, утопающем в огромной колонне памятника. Теперь через Бранденбургские ворота, мимо колонны побежел, покору двинулись бесконечные колонны пленных немцев. Над ними разомелись белые флаги капитуляции...

Лев ОШАНИН

ВСТРЕЧА

Пушки замерли раскаты
В дымной полумгле.
Повстречались три солдата
На чужой земле.

Два служили разным странам
С общую судьбу.
Жил один за окном,
За морем — другой.

Их одна волна качала,
Из морской доли
Корабли везли счастья
До чужой земли.

Третий юл, покрытый пылью, —
Сын мой земли.
У него жена убила,
Дом его сожгли.

Изучив повадку зверя,
Взял руны на взвод.
Как в себя, в подвал веря,
Он пошёл вперёд.

По дорогам, по знакомым,
Путь стела огни,
До чужой земли от дома
Он пошёл пешком.

Пушки замерли раскаты
В дымной полумгле.
Повстречались три солдата
На чужой земле.

Ждёт тепло родного края
Сыновей своих.
Не нужна земли чужая
Никому из них.

Их вела на землю славы.
Шли они в дыму
За свою святое право
Жить в свободы дому.

Тот, кто думал господином
Быть моей земли, —
Руки длины раскинул
И лежит в пыли.

И друг другу, словно брату,
Руки краю сквозь,
Улыбнувшись три солдата —
Даты трёх держав.

Мир полен, домам и хатам,
Смерть смерть казниты! —
Так рвались три солдата,
Так тому и быть.

Рис. Ю. Рейнера.

«БЕРЛИН. Салют победному знамени, водруженному над зданием рейхстага».

Фотоэтюд Я. РЮМКИНА.

БЫЛА

Рассказ

Рис. Г. Валька

Село Бисюкский Бор стояло вдали от большой дороги, и бои почти его не затронули. Правда, ещё в первые дни войны вражеская авиация дважды бомбила село и в пыль разнесла сельскую почту, но развалила кооператив, но зато в дальнейшем все боевые действия проходили мимо, только раненые в поисках медицинских пунктов иногда забредали в Бисюкский Бор.

А потом пришла немцы.

Они повесили на колодец старика Гладышева, убили вечером гауху старуху Дашкину, выломали на парадной трёх жилых дома двухэтажных, затем стали уговаривать в Германию сбежать парней и несторных женщин. Люди в Германию ити не хотели, плачали, разбегались, и тогда немцы подняли стрельбу и убили для остракии четверых.

Петя стоял вместе с матерью, которую также угнали в Германию. Он видел, как падали убитые. Он стал плакать и кричать, и матеря не могла его успокоить. Когда немцы ушли, Петя решил, что он хочет идти с матерью. Небритый немец оттолкнул его, но Петя не уходил, разрыдался к матери и укусил немца за юбку. Солдат выругалась, ударила Петя прикладом, и когда мальчик очнулся, немец уже не было, а соседка Мария Дмитриевна Свешникова, проживавшая в селе, брызгала на него водой.

Петя хотел бежать за матерью и долго разился из лесу на Свешниковку, и вырвалась, наконец, но не могла убежать, потому что вспомнила порт языком пытавших красные щеки — и он упал, сделав несколько шагов.

Так осталась один восемнадцатий мальчик Петя Юкчук.

Свешникова сперва всё порывалась увести Петя к себе, но мальчик иск к ней не хотел и говорил, что будет жить в своей избе и ждать, когда вернётся мама.

— Дурячок, — уговорившая Свешникову, — она, может, никогда не вернётся.

— Нет, — отвечая мальчик, — нет, нет, нет...

И начинать плакать. Он не хотел верить, что мама никогда не вернётся.

Затем Петя опять прижал немым, сказал, что в Бисюкском Бору скрывается партизан и если люди сейчас же его не выйдут, солдаты будут стрелять и жечь. И они действительно так сделали.

Они обложили соломой дома и сараи, об威名кором и подожгли. И всё сгорело в Бисюкском Бору: сгорели дома, сараи, скворечники, кресты на церковном кладбище. Не тронуты огнём остались только развалины кооператива.

ВОЙНА...

Через несколько дней из лесу пришла Свешникова. Петя заметил её, когда женщина выходила из оврага и догадалась, что она пришла за Петем. Поглядев на развалины перебежками Петя пробралась к развалинам кооператива и спряталась там.

Мария Дмитриевна долго ходила по сожжённому селу и звала Петя, но он не показывалась.

Люди из лесу и позднее приходили не раз. Они рассказывали на пепелищах ушедшие вещи, но каждый раз Петя усевалась скрыться.

Когда наступала осень, такие тоски охватывали сердце мальчика, что он решил уйти к людям, в лес. Но из лесу больные никто не приходил, и Петя не нашёл пути к лесному лагерю.

Так прошла осень и наступила зима. А мальчик продолжал ждать свою маму. Летом и осенью он иногда разговаривал сам с собой, мурлыкал что-нибудь себе под нос, а потом отшвыривал.

II

Петя не умер ни от холода, ни от недостатка пищи. Он жил в норке, в развалинах кооператива, от сырости у него распухла и болела нога, щёки его взламывались, он с трудом просыпалась едва ходил. Постепенно он отвык говорить членораздельно и думать последовательно.

Однажды Петя увидел в норе крека, чтобы погладить. Петя услыхал за спиной Гладышевых стоп. Петя шагнул за угол ногами и увидел бледное, небритое, окровавленное лицо. Оно покажалось мальчику мёртвым. Петя не двигался, облитый ужасом. И вдруг губы у человека зашевелились, затем он приподнялся. Руками человек упирался в заснеженную землю и подтягиваясь встал в гроб. Увидев Петя, он вытигнулся из земли и слабым голосом позвал:

— Мальчики! Мальчики!

С ужасом, стеснчившим грудь, Петя сделал шаг навстречу.

— Питя, — сказал человек. — Я ранен. Дай пить, мальчик. Принеси воды.

Петя отступил на шаг, потом огляделся, увидел в куче пепла ржавую жестянку и фольгированные консервы и понял, что нужно пойти к реке.

Полный месяцев они прожили вместе мальчик с помрачненным рассудком и лётчик, самолёт которого подбили в воздушном бою.

Листами железа они отгородили хол в нору, тришёб и соломой поизделили щёки. Лётчик обмылся Петя, что нужно изтаскать кирпичи, и сложил в норе очаг, который давал тепло и на котором можно было готовить пищу.

Когда раны лётчика закрылись, он сказал:

— Пора сбираться в дорогу.

Петя сперва промолчал, а потом сказал:

— Я останусь.

— То есть, как? — не понял лётчик.

— Останусь здесь, — повторил Петя.

Пётр сидел на земле, уединившись. Петя видел с ним. Но мальчик с немногим сознанием не поддавался уговариванию. Лётчик не знал, как быть с мальчиком. Наконец он сказал, что больные ходят не может, и ушёл. Петя долго стоял у развалин кирпичинки и смотрел, как уходит этот человек, чуть прихрамывая и почёхнув ногу. Потом Петя ушёл к себе в ноги и вернулся.

— Так же исчезла, — заговорил он. — Я не могу тебя оставить! Исчезла. Пропадешь здесь один, понимаешь или нет?

Петя молчал.

И ёщё два для лётчика прошли с Петей и её угоревшима. Мальчик не сдавался. И тогда лётчик сказал:

— Хорошо, завтра на рассвете я уйду. Но я вернусь, помни. Обязательно вернусь.

И Петя осталась одна. Прошла зима. Наступила весна, лето, а он всё лежал, сёл ждал. Летом было много птиц, потому что на горизонтах вились картошки из той мелочи, которую оставляли люди, снимая урожай. Каждый вечер из гробинок, прорубленных в пнях, в пеньках и в пеньковых узлах, ронялись птицы. В золе Петя нашёл несколько крошек и съел их, покусав, и теперь у него была свежая ряба.

Однажды осенью он встретился у реки женщины в военной форме. Это была медиканская сестра, бежавшая из плена.

Две недели она прожила с Петей в его норе. Она починила ему одежду, заготовила пищу. Потом она ушла, чтобы перебраться на советскую сторону, а Петя остался.

— Жизнь, — на прощание сказала ему сестра. — Я вернусь. Мы все вернёмся.

Потом он увидел девушку из десантного отряда. Она пробилась с Петей совсем недавно и ушла, также сказав напоследок, что вернётся.

И так каждый раз легли уходили, а Петя оставалась одна. А на следующий день пролетели самолёты с красными звездами на крыльях; они всё чаще и чаще проповедовали в воздухе, точно птицы, предвещавшие весну.

III

В марте в сожжёное село пришла измученная женщина. Она еле двигалась от усталости. Два с половины года немецкой невои ей не падало спать, потому что она не могла вспомнить, сколько сна она получала. И вот она вернулась. На месте, где стояло село Ницкский Бор, теперь было сплошное поле пепелища.

Она спустилась на снег котомуку, в который хранились её, что у неё осталось, но слыши не потекли по её лицу. Она отыскала лавочку.

В каменном развалинном кирпичинке находился широкий, и из-под обломков кирпичинки вылез мальчик в несущественном разрыве. Голова его была повязана байбым плащом с обгоревшей бахромой и рыхлыми плащными пятнами. Из-под раневого ватника выглядывали штаны и латаные мешковины. На одной ноге была надета ватник, перевязанный трикотажем и кусками тёплого пропитка, на другой — перевязанная башмаком, из которой текла газетная клочечка. Это был Петя. И женщина узнала в нём сына, в котором расстались два с половиной года назад.

Голосом, в котором были индекса и неуверенность, женщина произнесла:

— Петя... — А потом вдруг закричала: — Петя! Петенька!

Она пошла вперёд, не видя ничего и не соображая ничего. Слёзы полились из её глаз, а она только твердила, как в беспамятство.

— Петя! Петенька!

Мальчик оглянулся, посмотрел на женщину и вдруг бросился прыть, подпрыгивая и оступаясь на левую ногу, как подбитый, выпавший из гнезда птенец. Он не хотел, чтобы вспоминали про прежде, чтобы отдать им свою жизнь, и поэтому сидел в норе.

— Останусь я здесь, — повторил Петя.

На первом кутум и ритинам, спотыкаясь о слизи обруч и обгоревшие кирпичи, малярская бежала за мальчиком, а он с неизвестными тонкими выкриками мчался прочь.

У крайнего пепелища он занесёлся ногой за телефонный провод, упал, и тогда женщина его нагнала.

— Петя, — сказала она. — Петенька...

У неё не было других слов, а мальчик не знал, что ответить. Он не понимал, кто это.

IV

Пронесло много дней, а мальчик не признавал свою мать. Память его хранила другую образ, малой и немимечтной девушки, и он продолжал ждать ту, которой не было на свет.

Жёлчакова смелилась в том месте, где стоял их дом, шлаши из жердей кусков кирпичного железа и соломы. Франт и в это время уже откликнулся на зов. Жёлчакова, приведённая в чувство, перенесённая Южаковской, сказала, что в шалаше тепло, пора строить дом. Среди еловых шишек и прочего деревенского народа подпадали разные люди. Объяснялись двое лесорубов, — на рассвете они вошли в лес и заготовили бревна. Пастники напились — возвели стены. А там кто-то папился из возвала и спал. Малыш, конечно, — мать вымыла. И вновь срез мёртвой земли новый дом был брошен не успешных потешений от дождя и солнца.

Петя понял почему не понимал, что мама его вернулась.

Иногда Южакова ловила на себя пристальный, испытывающий взгляд сына, она спрашивала:

— Ты что тебе?

Мальчик отобрёлся и молчал, а потом сам спросил как-то:

Сергей ВАСИЛЬЕВ

ПРОХОДЧИЦА

Я забывал прослыть рисую, но хочу откровенным быть...
Повстречал я одну такую —
да сих пор не могу забыть.
Широкие глаза, бледные щёки,
не на модных катах видах,
в белозелёных шароварах
и в резиновых сапогах.
На глубоких монах смолкли слово,
засрилась моя душа —
то было чёрноруброво,
то логово вороньего.
Повстречалася с ней случайно,
как неизлечимый ветерок,
и расссталася, как с малой тайной,
они разошлись, но не знакомы.
Годы быстрь летят и громко,
но как живо и как остро
вспомнило и вспомнило,
стремя вспомнило метро!
Столик тоже мне вспомнился —
вспомнило и каждый раз
запомнило: те ресницы,
тихий свет бирюзовых глаз.
Я смотрю на гранёный камень,
на перила, на блеск колонн...
Неужели с руки
рай подземный сооружён?

— Ты кто?

— Это я, Петенька, неужели не узнашь? Я твоя мама, — ответила Южакова и заплакала.

Петя молчал. Он не верил.

Однажды он спросил: скоро ли она уйдёт?

— Куда? — не поняла его Южакова. — Я никогда не уйду. Мы теперь всегда будем вместе.

— Уйдёшь, — сказала мальчик. — Все уходят. А потом вернёшься. Я буду ждать.

— Когда ты ждёшь? — с госткой спрашивала Южакова.

А мальчик виг приглядывался к ней, всё тотчас же, как будто вспомнил про то, что говорил, гоночно сравнивал её с кем-то.

Когда Южакова целовала ей на ночь, он с тихим удивлением посмотрел на неё. Может быть, этим проказлениям любых — простых и естественных — будили в его памяти забытые ощущения материнской далики?

Из дальней лесов, из дремучей чащи возвращались удоленные животы Бисонов, Старухи одинаки пришли, и это было Свешниковы старики призывали — и это было дед Яков. Потом наступила осень, и как-то, когда Петя колол дрова, у дома остановилась санитарный фургон. Из него спрыгнула женщина в шинели — и это была медицинская сестра...

Но она и вернулась — закричала она, точно упавшая в город за покуками. — Дождась?

Потом в избу постучалася лётчик.

— Эй, Петя, ты здесь? Я вернулся! — закричала она. — Дождась?

Потом вернулась девушка из десантного отряда.

Все вернулись, кто умел, потому что скакало и прыгало. А Петя — встали и скакали прыгали жадно.

Южакова не знала, как быть? Поймёт ли когда-нибудь её мальчик, что она здесь, с ним, что ждёт больше некого? Сколько любви нужно для того, чтобы искоренился злой, сделанный немцами, сколько нужно тепла, чтобы растопить лёд, сковавший сердце ребёнка?

— Ты не вернёшься, — сказала она. Но любовь, они убить не могли. У каких матерей не станет силы для того, чтобы любовь исцелить своего мальчика?

Однажды Петя приснился сон. Его мама сидела у стола и вышивала рабушку. Он вскочил от испуга. В образе матери было да и женщина, которая ждала теперь с ним в доме. Петя посмотрел, вокруг. В лунном свете, в окнах, в зеркалах, в зеркалах белесавшей стены, его рабушка на табурете. И мальчик воспомнил, что давно-давно мама вышила ему рабушку — тонкие синие кресточки по вороту. Сейчас, во сне, эта женщина грустила над такой же вышивкой. Он потянулся к рабушке на табурете и поднес ей к глазам. Кресточки, как в детстве, были белыми. Синие. Синий лунный свет — они казались «чёрной цепочкой». Так только мама могла вышить.

Петя встал и на цыпочках подошёл к спящей женщины. Он наклонился к ней. Этим губам его целовали перед сном. Кто целовал его раньше? Только мама. Эти руки его кормят, когда он голодают. Эти руки его так вкусно! Только мама. Эти руки спасают его от холода и холода. Так смотрела она его только мама.

И воспоминание всплынуло в его мозгу как пластилин. Это она, мама его, та, которую он столько ждал!

— Петя засыпай:

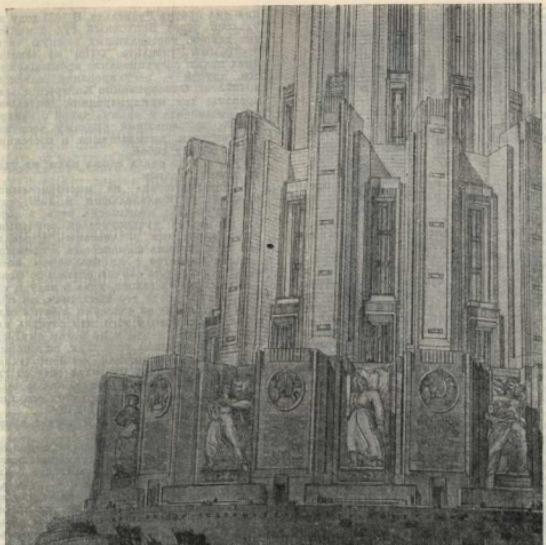
— Мама, мама, мама... Южакова проснулась.

— Что, сынок?

Мальчик смотрел в сон к ней на грудь, и сон ползёл от неё глаза.

Рыдал, сбивался, потому что в душе его теснилась сама по себе мысль, мальчик проговорил с госткой и любовью:

— Мама, мама, я тебя столько ждал! Ты вернулась?

Фрагмент высотной части Дворца Советов.

Б. ИОФАН,
действительный член Академии архитектуры СССР

ДВОРЕЦ СОВЕТОВ

Мысль о грандиозном сооружении, символизирующем образование Союза Советских Социалистических Республик, возникла ещё в 1922 году, на I съезде Советов. Такое сооружение должен стать Дворец Советов, воздвигаемый в центре нашей родины — Москве, рядом с древним Кремлём. Этот величественный архитектурный замысел гения Ленина, призван волочить воззванные и благородные идеи дружбы народов, идеи раскрепощённого труда, символизировать собой непрерывный прогресс СССР.

Нас осуществлением утверждённого правительством проекта Дворца Советов (автором И. Б. Гальфрейх, В. М. Иофан и В. А. Шухом) с удовольствием работает большое коллектива. В послеславие военные, годы мы значительно видоизменены и усовершенствованы первоначальным вариантом проекта, выполненного архитектором Соколовым. Помимо этого, мы постарались разрешить проблему, присущую самой жизни, — отразить в архитектуре, скульптуре и живописи Дворца бессмертный геройзм советского народа — народа-победителя, принесшего всему человечеству обновление от яёных сил фатизма.

Дворец Советов должен стать ещё более торжественным, величественным и монументальным. Внесены изменения во

внешний облик здания. Его архитектура благогарно, укультуренно, спокойна, более гармонично связана с увличающей Дворец скульптурой Ленина. Нижняя правоугольная часть здания имеет теперь лишь два мощных уступа. Взамен четырёх диагональных пилонаов, нарушающих ясность круглой формы, в новом варианте проекта ритмично нарастают вверх три основных круглых яруса высотой почти на

100 метров опоясаных монументальными статуями героев-основателей социализма СССР и символами и независимости. Эти скульптуры будут видны со всех площадей и многих магистралей Москвы.

Парандоее выглядят теперь главным входом. Он широко раскрыт и украшен шестью портифриями обелисками, на которых будет начертан текст речи товарища Сталина на II съезде Советов в 1924 году, освящённой В. И. Ленин.

На основании высотной части Дворца Советов расположены гербы всех союзных республик Советского Союза с гербом РСФСР в центре.

Изменениями, внесёнными в проект, значительно обогачены внутренние помещения Дворца Советов Большой зал, вмещающий 3500 мест, а также залы для заседаний и залы для заседаний, отсутствовавшие в первых вариантах проекта. Зал приёма правительства на 2500 человек. Архитектура, живопись и скульптура амфитеатра отразят тему героики гражданской войны, Великой отечественной войны, героики строителей социализма. По окончании работы проёзда здания свет будет поступать сюда через световые проёмы второго яруса круглой части Дворца.

Над Большими залом предполагается расположить Мемориальный зал героя и биты Великой отечественной войны.

Проектом также инженерно-технический проект стального каркаса, в котором учтены новейшие достижения техники изготовления металлических конструкций.

Победы Красной Армии открывают советскому народу грандиозные перспективы мирного, созидающего труда. Дворец Советов является воплощением этих побед, одержанных под руководством великого полководца мира — товарища И. В. Сталина.

Перспектива Зала приёма правительства (вариант).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О РУЗВЕЛЬТЕ

Для того чтобы иметь ясное представление о мировом кризисе 1929—1934 годов, надо было побывать в Соединенных Штатах Америки в эти годы.

Экономическая машина Соединенных Штатов расстроилась и работала не только с перебоями, но иногда подверглась почти полному параличу. Всё это произошло в очень ярких формах, бросавшихся в глаза. Многие предприятия, производившие автомобили, магазины не имели покупателей, рестораны и кафетерии пустовали, театры и кино не имели зрителей, в поездах было мало пассажиров, многие фабрики и заводы стояли, банки лопались, безработных давала себя знать на каждом шагу. Люди, привыкшие к достатку и комфорту, оказались вынуждены работать в библиотеках и публичных библиотеках, библиотекарями работали в качестве помощников.

О кризисе постоянно напоминал громадный, стодвухэтажный дом в Нью-Йорке, являвшийся монументом эпохи процветания Соединенных Штатов и одновременно показателем развала экономики страны. Дом этот был начат постройкой в период благоденствия Соединенных Штатов, его заложили в 1929 году, когда он еще не имел другие деловые учреждения. Но большие помещения не нашло наземателей. Гигантский небоскреб высился как символ благого величия и вместе с тем не прочности этого величия.

В этих условиях избраны американцев

обратились за спасением к новому президенту, избранному в ноябре 1932 года. Имя Рузвельта было у всех на устах. Он него ждали многое. Его слово было законом. Демократы и республиканцы одинаково слушались указаний Рузвельта и принимали его предложения.

Франклину Делано Рузвельту тогда исполнилось 50 лет. Он был полон решимости и энергии для борьбы с постигшим американцами бедствием. Он был уверен в силе воли народа и способности народа помочь своему народу. Он сам же заручился поддержкой народа, участвуя в различных магнитах с деятелями, которым, по какому-то случаю открытым фразам, с циннадром на голове, упада в воду и началь тонуть. Когда его вытащили, он сначала благодарил за спасение, а затем стала ругаться по поводу того, что потеряла циннадром. Он не хотел, чтобы не вернулся этот головной убор. Такой же вид президента действовали «экономические роландисты», которых Рузвельт спас от гибели и которые, тем не менее, были недовольны потерей некоторых своих позиций в отношении рабочих масс США.

На выборах 1936 года Рузвельт снова

оказался победителем. В это время обострилось странное на первом взгляде явление в американской политической жизни. Поклонявшие большинство американских газет — чуть ли не 90% — выступали против переизбрания Рузвельта на второй срок. Не только открыто республиканские газеты высказывали протест Рузвельта, но и газеты, считающие себя демократами, не тоже были против него. В сущности, не было ни одной влиятельной американской газеты, которая сказала бы доброе слово в его пользу. А Рузвельт все же одержал верх.

цио сила против Рузвельта. В 1935 году им удались первые Верховный суд отменить два закона, составленные важной частью программы Рузвельта. Один из законов имел целью регулирование промышленности, другой — регулирование сельского хозяйства. Одновременно Конгресс создал прецедент для международной деятельности президента и принял закон о нейтралитете, запрещавший продажу вооружений странам, находящимся в состоянии войны между собой.

Рузвельт не склада сложа руки: на удар он отвечал ударом.

Я присутствовал на многочисленном собрании в Филадельфии в 1936 году, когда Рузвельт произносил речь, в которой он называл руководителей оппозиции «врагами народа». Рузвельт при этом сравнил финансовых и промышленныхмагнатов с жаждущим, который, по какому-то случаю открытым фразам, с циннадром на голове, упада в воду и началь тонуть. Когда его вытащили, он сначала благодарил за спасение, а затем стала ругаться по поводу того, что потеряла циннадром. Он не хотел, чтобы не вернулся этот головной убор. Такой же вид президента действовали «экономические роландисты», которых Рузвельт спас от гибели и которые, тем не менее, были недовольны потерей некоторых своих позиций в отношении рабочих масс США.

На выборах 1936 года Рузвельт снова

оказался победителем. В это время обострилось странное на первом взгляде явление в американской политической жизни. Поклонявшие большинство американских газет — чуть ли не 90% — выступали против переизбрания Рузвельта на второй срок. Не только открыто республиканские газеты высказывали протест Рузвельта, но и газеты, считающие себя демократами, не тоже были против него. В сущности, не было ни одной влиятельной американской газеты, которая сказала бы доброе слово в его пользу. А Рузвельт все же одержал верх.

На балконе посольства СССР в Тегеране: И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль перед кинооператорами и фотографами после окончания Тегеранской конференции.

над своим противником, да еще невидимым большинством голосов. В 1932 году он получила 22 миллиона голосов против 15 миллионов, поданных за Гуверна; а в 1936 году он собрал 27 миллионов голосов против 15 миллионов, поданных за Линдена.

Выходило, что американский пресс не оказывала влияния на американцев. Многие из Америки по-разному пытались объяснить этот факт. Мне приходилось самому писать о выдающихся и скромных в политической деятельности людях заявление о том, что Рузвельт помогал умно говорить по радио.

Я имел возможность смыться мимо самого Рузвельта о техники радиоречей. На одном из радиоэфирных выступлений журналистка и сидела рядом с президентом. В беседе она загорнула вопрос о форме речей.

По словам Рузвельта, средний американец любит короткие простые речи, без пафоса и декламации. Речи черезсур горячие отталкивают американцев, слушающих, особенно старшего поколения, потому что они кажутся неестественными, науди- манными, нескромными. Американцы не выносят длинных речей: длинные речи их утомляют, даже раздражают. В Америке речь по радио обыкновенно занимает четверть часа, иногда полчаса. Политические часовые программы состоят из четырех гадов на пару минут каждая, замечаний к национальной и президентской пропаганде. На эти речи по традиции отводится час, но их никто не слушает... Президент указал также, что речь по радио должна произноситься не слишком быстро и не слишком медленно. Слишком быстрая речь паюко усваивается, медленная — скучна. Слова должны слышаться, чтобы уже понять мысль, а в это время оратор продолжает тянуть уже устаревшие слова.

Рузвельт утверждал, что американец не любит явной пропаганды, он не хочет, чтобы ему слишком разжигали мысли; он хочет фактов и выводов, предпочитает делать сам. Очень важна по мнению Рузвельта, коммуникация речи: она должна звучать интересно, звучать ясно и несложно вести его до конца. Во всяком случае, начало и конец должны быть самыми интересными частями речи, начало заставляет американца слушать, а конец оставляет последнее впечатление, с которого слушатель вспоминает о ораторе.

Речи, конечно, являются главным средством пропаганды в Соединенных Штатах, но нельзя утверждать, что газеты не играют роль в формировании политических взглядов читателя. Когда об американских газетах говорят, что всеми пропагандой против Рузвельта, это подразумевают, что газеты несут политическую информацию, которую он говорит.

Оно означает, что первые статьи во время избирательной кампании относились отрицательно к кандидату Рузвельта, но это не значит, что все газеты в целом были против него. Первые статьи могли быть направлены против Рузвельта, а результат мог быть благоприятен для Рузвельта, или же для Трумэна, или для информационного материала — другого. Они могут говорить в разном духе. Американские газетные корреспонденты по большей части в своем репертуаре освещали деятельность Рузвельта в благоприятном для него свете. Недаром некоторые американские репортеры шутят говорят, что первые статьи всякий может писать, чтобы быть репортером, нужно иметь голову...

Вообще, американская политика — сложное явление. Разумеется, политика избирательной борьбы имеет большое значение в Соединенных Штатах. Но все же важны социальные и экономические факторы, связанные с социальным строем страны. Прежде всего приходится считаться с настроением как широких кругов избирателей, так и отдельных мощных организаций — банков, промышленных компаний, торговых объединений.

Политическая пассивность, при которой техника политической борьбы имела большое значение, сильно уменьшилась в

На снимках: вверху — Ф. Рузвельт произносит речь по радио из своего кабинета в Белом доме; внизу — Ф. Рузвельт и министр труда США Ф. Перкинс.

Америке за последние годы. По мнению Рузвельта, американцы научились политически мыслить, поскольку американец стал поминать связь между его личным делом и проблемами внутренней и внешней политики Соединенных Штатов.

Вопросам внешней политики особенно большое внимание уделял сам Рузвельт. В число тех сча, на сотрудничество с которыми рассчитывал президент, входят месть земли Советского Союза. Рузвельт восстановил дипломатические отношения с СССР и внимательно следил за ростом нашей страны.

Понимание Рузвельтом международных дел было очень велико. В начале 1939 года, отправившись на отдых, он поручил своему помощнику, что если возможно, придется прорвать блокаду, так как в Европе предстоит большие события. Впоследствии оказалось, что он имел в виду захват Чехословакии гитлеровской Германией, что и случилось в середине марта 1939 года. 8 мая 1940 года Рузвельт узнал о всех заявлениях о том, что засекрет в Европе, что это крушение политики изоляции. На вопрос, не предполагается ли вступление Италии в войну, президент ответил: нет, он говорит о другой части Европы. Действительно, рано утром 10 мая начались движения германских войск на запад — против Бельгии, Голландии и Франции.

Большую осведомленность он пронес в отношении Советского Союза. Рузвельт выступил в börжках против заявлениями, что СССР будет вторгаться в Европу в 1941 году. В том, что гитлеровская Германия в скором времени покорит СССР, Рузвельт доказывал, что помощь Советскому Союзу пешеходам и своеобразие и нельзя опасаться того, что посланные в Россию материалы попадут в руки гитлеровцев.

Рузвельт прекрасно понимал, что между двумя могущественными странами — СССР и США, с неоднаковой историей и традициями, с большими интересами в разных частях мира, не может не быть разногласий по отдельным вопросам. Но он всегда делал все для того, чтобы обеспечить их сотрудничество в международной арене.

Преждевременная смерть не дала Рузвельту возможности дожить до полной победы над гитлеровской Германией и принять плодотворное участие в строительстве мира после окончания войны. Ноный преемник Соединенных Штатов Америки — Гарри Трумэн — знаком с заветами своего предшественника и, опираясь на базу, созданную президентом Рузвельтом, сумеет развивать дружеские отношения между США и СССР на пользу народов обеих стран.

«СМЕНА».

Егор Агарнов

Фотоэтюд Г. БОРИСОВА

Летающий форвард

Рассказ

Большой общий гвардии лейтенанту Константина Крутикову за двадцать пять лет его жизни ещё никто, никого не наносил.

А случилось это на фронте и вот при каких обстоятельствах.

Гвардейский авиационный полк, куда было недавно переведён «сын эфира», сражался в то время на ближних подступах к Берлину. В первом же бою старший лейтенант своим тяжёлым размахом трулом штурмовал передний край немецких бомбомётных и пикирующих бомбардировщиков, пытавшихся разведку. И вот в эту киригу, боевую жизнь неиспользованный лейтенант, с вечно непокоренной конской стальной волосами, вине свою — любовь... к футболу.

Сам я, ребята, в футбол играю, конечно, в любительском уровне, он обычно, но же ребята болельщики. А что такое болельщики? Это человек, ребята, чуткой душой и большого сердца.

Притоны помнили, до чего один раз перед войной довел его чуткая душа и большое сердце болельщика.

В ответственном матче на «Кубок ССР» артиллерийские дивизионные, технический стремительные форварды спартаковцев, пропустили мяч в сетку.

Крутиков вскочил, крикнул своему людим:

— Дырка! — и не удержавшись, скатился вниз по ступенькам трибуны, вызывая неискусимое аплодисмент мальчишек.

Это было в мае 1943 года.

Умение и мастерство надо решительности и мужеству — неотъемлемые качества каждого нападающего — стали азотом поклонника кожаного мяча.

— Наш летающий форвард в эфире! — оповещала товарищ радиостанция Пышкини, когда «Ижевск» Крутиковом таёжной утренней дымке. И, наладив с ним связь, спрашивала:

— Всё в порядке, — смыкалось в ответ.

Появился противник. Происходит традиционный обмен приветствиями. Сейчас начнёт играть...

А через несколько минут в наушниках снова звучал бодрый голос:

— Прорвалася на штрафную площадку.

Веду огонь... Положена в девятку. Счёт — 1:0 в пользу «Ижевска».

Среди лётчиков полка популярность ведущего мастера воздушных схваток росла так же быстро, как и число сбитых им немецких самолётов.

— В лётном деле — поучала Кости нючников — тактика важна так же, как и в футболе. Припомните, мончи, метод «кашель». Что мы имеем? Мяч от центра передаётся вправо, оба края берут вперёд, один из которых вырывается в строй противника и делает игру...

Однажды, когда Крутиков прибыл с донесением в соседний авиаполк, к нему подошёл младший лейтенант. Поправив ремень и лихо козырнув, он сказал с явно деланным радушием:

— Привет летающему форварду! Сколько фризов вы сегодня сыграли похороний марш?

— Пять илья, — соудно ответил Крутков.

— Неплохо, — сказал младший лейтенант.

— Я думаю, — ответил Крутиков. — Но ребята, — продолжал собеседник, — играют куда лучше.

— Это какие ребята? — насторожился Кости.

— Да наши. Ребята майора Шкурупело. Вчера сыграли 7:0. Так что вашим у нас получиться нужно.

Младший лейтенант почтительно козырнув и, как показалось Крутикову, усмехнувшись, пошёл прочь.

— Ну это мы посмотрим, кому у кого удастся! — крикнул Крутиков, у которого пистолет самой собой скользил на затылке. — Так и передадут майору!

Вечером вест о дёрзком вызове, брошенному соседями, облетела весь полк.

— Я кое-что слышал о майоре Шкурупеле, — говорил полковой писарь, тонкий знаток человеческих душ, — мне про него рассказывали. Мрачный интриган и мистик.

Ночью спачателительный Крутиков увидел некоронённый сон. Будто бы в Москве, на стадионе «Динамо», в решающем матче, когда его альбиносы буквально висели над порогом противника и гол, казалось, неминуем, но поле покинул майор Шкурупело — огромный огненно-рыжий гигант в сапогах 46-го размера. Он подбежал к майору Кости. Матч заглушился, портит сетку ворот, словно наутину, и, описание другу, допнула, запечатанную на Большую стрелку знаменитых часов над Восточной трибуной.

Проснулся Крутиков в колодном поту. И с этого дня началось...

Крутиковы сбили восемь самолётов противника — соседи девять.

Крутиковы сбили одиннадцать самолётов и два посадили на своей территории — соседи уничтожили двенадцать.

Крутиковы сбили одиннадцать самолётов — соседи восемь, но зато славные пять дней они сбивали по трижды.

На девятый день от соседей пришёл посланик, всё тот же насмешливый младший лейтенант.

— Майор очень сожалеет, — глянчино сказал он, — но соревнование приходится временно прервать. Нас переводят на другой участок фронта. Так что счастливо оставаться товарищ лейтенант.

— Ох, бывает...

— Майор, — прорычал склонивший голову Кости, — я не могу забыть, что вы у нас кое-чему научились. И в спорте, между прочим, так выывает. Ведь научили же спартаковцев играть динамовцам в футбол, — младший лейтенант ещё раз козырнул и спросил: — Что передать майору?

— Перезвоните майору, — старалась говорить тихо, отчеканила Крутиков, число вспыхнуло на лице которого при этом увеличилось вдвое, — передайте майору, что в таком случае я не хотела бы быть на его месте в день открытия футбольного сезона в Москве: он устал бы считать голы в собственные ворота. Вашим ребятам нужно играть не футбол, а в кегли.

Младший лейтенант ничего не ответил. Старалась же третий раз и устал.

Через два часа от майора Шкурупело принята ответ:

«Поговорим на стадионе, лейтенант. Жду вас на Северной трибуне, 18-й ряд, 53-е место. Захватите с собой скамьи. Прочитав записки, Крутиков склонил её четверто и, никому ничего не сказав, вышел из очередного задания.

Побежал, склонив голову против Германии, и вот в день открытия сезона футболисты занесли Кости Крутикову в Москву. Заветный билет уже лежал в кармане. Вот она, Северная трибуна, 18-й ряд, 53-е место.

«Вопрос о том, кто кого, разрешится сегодня, — думал летающий форвард, болтаясь на подножке переполненного вагона трамвая, — и я не завидую майору».

Крутиков легко отмыкался 18-й ряд. С неизвестной бедой не сталкивался, взглянув на 53-е место. Здесь сидели два маленьких в больших газетных колпаках. Птицеское чётвёртое место было свободно. Майор, очевидно, ещё не пришёл.

Крутиков и стал терпеливо ждать. Постепенно стражки часы подошли к роковой цифре. Вальс обворвалась, болельщики насторожились, и репродукторы объявили составы команды.

По краям поля укрепили флаги участников матча. Судьи, судьи, судьи, судьи, судьи, судьи... Судья в пиджаке с другой помоншиной. Встал у него бок, очевидно, горчичный. Стаялась идти в ногу, твойка запагала на середину поля.

Судья положил жгут на новенький мяч на специально отмеченное место и дунул в свирепу. Переполоенный до края стадион затих. А на Северной трибуне 46-м месте в 18-м ряду сидел майор Кости Крутиков. «Испугался, — подумал Кости.

Раздались традиционные аплодисменты — появились футбольисты. Голубые и красные ширенки выстроились полуокругом в центре поля. Капитаны обменялись рукопожатиями. Игрошки стали из своего места. Всё замерли...

— Я, кажется, впервые лейтенант? — услышала из друга летающий форвард. Удар по мячу ей не сделан. Кстати, вы не забыли про скамьи?

— К вам в великом удивлении соседей мальчишек, бывший лейтенант вспомнил, — прислонил руку к головному убору, отравортова:

— Никак нет... Так точно, товарищ майор. Про скамьи я и не забыл.

А перед ним, в пестром шёлковом пальто, со шапочкой, слегка сдвигнутой на затылок, из-под которой легкомысленно свисала прядь золотистых волос, стояла девушка — гроза немецких асов, школьный друг Крутикова, гвардии майор Лена Шкурупело.

— Я, кажется, впервые лейтенант?

Дело было во время антигерманских беспорядков в Праге. Чехи заселили немецких готических и замазали им хорошую трёпку. На Виноградах (район Праги) толпа патриотов окружила шумчан. Каждый горючий «дадь ему раз». Шумчан ворочается, пахнет и отбивается дубинкой.

— Пустите меня, расступитесь, гражданин! — вдруг воскликнул он, добравшись до пленника. — Вы спасите? Вы чехи. Соколько тут все на одного! Фуф!

Тогда невольно отступает. Удивлённый шумчан поднимается поближе к неожиданному покровителю.

— …точно для этого мало однотипных! — спокойно продолжает Хашек и угощает шумчана двумя увесистыми оплеухами.

ХАШЕН ПЕРЕД СУДЕЙ

Когда беспорядки были подавлены, какой-то шинк вспомнил об этом инциденте и доложил начальству, что Хашек зленился опасуху польскому. Хашек притащили к суду. Судья был чех, знал Хашека лично и хотел помочь ему выпутаться. Но так как в суде они были не одни, судья спросил евреев, официальными тоном (с расплётом то, что Хашек поимёт его измени и сделает дело на нетрезвое состояние):

— Слушайте, господин Хашек, отдавала ли себе отчёт в том, что это было польской?

— Ещё бы не отдавал! — непозитивно ответствовал Хашек. — За то и зленился ему как следует...

В протокол, наконец, записали, что обвиняемый находился в состоянии полного опьянения. Хашек отдался штрафом.

ТАК ГОВОРЯТ В НАХОДЕ

Во время первой мировой войны во Праге разнесли слух, что русские войска учарно наступают.

У Хашека умер родственник — звонарь — и оставил Хашеку... колокол. Колокол лежал в деревянном саре, а наследник старался обрасти его «более универсальный метал». Но никто не знал, где реализовать такой необычный товар, и Хашек стал ходить по дворам и предлагать: не надо ли колокол? Разумеется, его отвергали глаза, принимая за шутники, плюя или поменянико.

Подконец он попал к крамому-то чиновнику, который прагнёлся его в компанию, угостив кофе, а сам посыпал в плюшевую юбку, что у него в доме находится сумасшедший.

Хашека привезли в полицейский-прандум. Там пришли к звону, что у него «изначальная идея», и отправили в больницу для душевнобольных. Здесь Хашек тоже говорил только о колоколе и удирно извивался для дирекции для больничной часовни.

Чтобы не раздражать «душевнобольного», врачи «купили» колокол, который, по их глубокому убеждению, существовала только в воображении Хашека. Послали людей с тележкой, и они, привезли колокол.

Несколько трудов стоило врачам уговорить Хашека взять колокол обратно.

Рис. Д. Дубинского

Проделки Хашека

Имя чешского писателя Ярослава Хашека хорошо известно советскому читателю. «Похождения бравого солдата Швейка» переведены на многие языки. И, пожалуй, никогда не была так популярна у нашего читателя талантливая сабо-жак и ненасытный немецкого засилья патрист Швейк, как в годы войны с Германией.

Патриотический патрист, любящий всем Прагу, неутомимый шутник и мистификатор, Ярослав Хашек был во многом похож на своего литературного героя. О проделках Хашека рассказывали множества забавных историй, всегда, впрочем, имеющих под собой некоторую почву. Несколько таких рассказов мы приводим ниже.

Одни говорили, что русские в Словакии, другие, что на северо-западе Моравии, третьи, что они уже в Находе*.

Приедя в кафе, где он был записан, Хашек вдруг начал разговаривать по-русски.

— Вы знаете русский язык, Хашек? — спросил кто-то.

— Русский язык? — удивленно говорил Хашек. — Разве это по-русски? Вчера я был в Находе, там только так и говорят.

РАЗВЕДЕНИЕ ВУРДАЛАКОВ

В журнале «Мир животных», где сотрудничал Хашек, появилась статья о «вногодах разведения вурдальков»*. Хашек, конечно, спутал

их с волчками как с собаками, рассказывая их сторожевые качества. От имени журнала он предложил читателям чистокровных щенят-вурдальков...»

Через несколько дней издатель журнала Фукс получил от какого-то провинциального заказа на ста пару молодых вурдальков. Фукс привёз к Хашеку:

— Вот видите! Что теперь делать?

— Ерунда! — усмехнулся Хашек. — Положитесь на меня!

И с близкой почтой он послал заказчику письмо: «Весь вурдальков у нас вурдальковый младенец, в настоящее время, к сожалению, расплодил. Как только мы получим новую партию, ваша почтеннейшая заявка будет удовлетворена...»

Хашек когда-то учился в коммерческом училище и знал все тонкости делового стиля...

ПЕРВЫЙ СЛУХ О СМЕРТИ ХАШЕКА

Первый слух о смерти Хашека — было их немало — появился в 1916 году. В Прагу пришло письмо за подписью и с обратным адресом некоего капитана, сообщавшее, что «электрик Ярослав Хашек в состоянии омыления отказался в преступное непонимание и бунт и расстрелян его членами».

Друзья долго горевали о Хашеке, пока азарт не подулил: открытие: «Как вам понравилась моя смерть?»

Оказалось, что письмо было написано анекдотом капитаном под ником Хашека.

Спорт

ТУШЕ КАПИТАНА ВЫШПОЛЬСКОГО

«А в гард» — эта команда знала все, что было в фехтовальном зале. Её смысл — принять боевое положение, стоять с стойкой.

В зале просто и тепло. Вдоль стен, в специальных футлярах и чехлах, лежащими шашки, рапиры, эспандоры, где якобы усташивались выигрыши в эластичных тканях: всё это спортивное оружие.

На узких и длинных линолеумовых дорожках идут занятия. Здесь и младожёхи и мастера спорта. Сыншатся драги скрепленных эспандоров, удары клинков.

Зрители отсутствуют.

— Шах, говорят Назад! Выпал!

Два шага вперёд, бегом, раз-два,

удар, раз, два, три, коли! Репети-

ция. В руках опытного фехтовальщика мелькает рапира. Обрывистые движения молниеносны: они запутывают противника. Рапира проходит через кого будто непроницаемую землю, не оставляя даже груды. Движения настолько быстры, что их едва улавливает глаз. Недаром во время матча фехтовальщиков двое, а судей — пятеро.

Фехтование — красивый и увлекательный спорт. Его часто называют искусством. Действительно, на грани искусства находился мастер фехтования, один из жемчужин которого, отточенность состоялась с мгновенной реакцией, точность расчёта — с изящной зачекченностью удара.

Спортивное фехтование берёт своё начало в XV веке. Вокруг определились для течения в технике фехтования — французская и итальянская школы. В России фехтование появилось довольно поздно, но вскоре заняло первое место в спорте.

Это было измездом. Потрясённо

бытие: фехтование, как спорт, сковало оружием. Владелец хорошо владевшего оружием стремится каждый вид. При кафедре рукоятиного боя военного факультета Центрального института физкультуры имени Чемпион СССР по фехтованию капитан Владимир Вышпольский.

Несколько лет назад этого бесстрашного фехтовальщика очётынине разбили по... фехтованию. Он начал с «сажи», по-лучешине по... фехтованию. Окончил среднюю школу, молодой сибиряк приехал в Москву и поступил в Центральный институт физкультуры. Там, в ходу были фехтовальные разности, каждый юноша легко уходил по любому виду спорта, но только не по фехтованию. Он был хорошим легкотяжёлым, защищавшим честь столичной команды на соревнованиях по прыжкам в воду. Но рапира и эспандор его покоряли, и он оставил спортивные уроки в скорее скучал, чем занимался. Так продолжалось до тех пор, пока однажды преподаватель не поставил ему двойку. Появление в зачётной книжке столь неприятного балла огорчило Вышпольского, и он решил покинуть институт.

Это было измездом. Потрясённо он занялся самбо и удачно фехтованием. Он пробрёл личные эспандор и рапиру, стал изучать литературу, присматриваться к мастерам, посыпать соревнования. Лучшие преподаватели — заслуженные мастера спорта Капитонов, Мордовинов, Аргунов — учили его из себя на тренировках этого нового ученика. Он упорно постиг секреты искусства фехтования. И неожиданно институт облегчил новость:

— Владимир Вышпольский — чемпион института по фехтованию!

Эта победа определила его судьбу. Вскоре Вышпольский выиграл первенство Москвы по фехтованию на рапире и штыках. А спустя ещё четыре года завоевал звание абсолютного чемпиона СССР, занял первые места в соревнованиях по рапире и эспандору — по шпаге и греческому штыку.

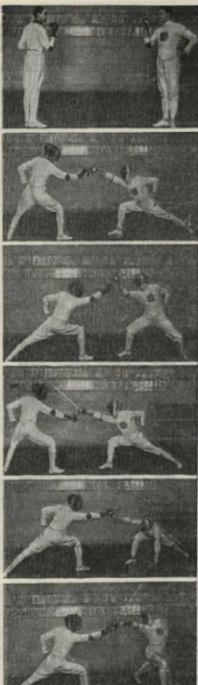
Фехтование с его тонкой, моногранной техникой — трудный вид спорта. Соревнования требуют от участников большого физического и волевого напряжения. В 1940 году Вышпольский, абсолютный чемпион за шесть дней разогретия первенства проплыл 120 бобов и потерял в весе 6 килограммов. На последнем соревновании Вышпольскому пришлось встретиться с 25 противниками. Только в финале соревнований по эспандору он набрёл 40 уходов, получив в ответ лишь один.

Несмотря на то что по времени был непродолжителен (он длится не больше 15 минут), каждый раунд требует от участника выносливости и великолепной тренированности. Особенно это ярко видно в фехтовании. В этой спорте являются лучшие качества спортивного мастера: точность, стремительность и ловкость. Это атака-молния, или, как её называют на спортивном языке, ускренный развод. Во время фехт-атаки оружие фехтовальщика (атакующий) мгновенно устремляется на противника. Видите он весь как бы сжимается, а потом молниеносным прыжком, обнимаясь одновременно противника оружием, поражает его решающим уходом.

— Тунн! — воскликнут судьи, когда противника удастся.

Нет! — говорит оно, если удар отразился.

Тунн! капитан Вышпольского, завершающее обычно остроумную комбинацию игры с рапирой или

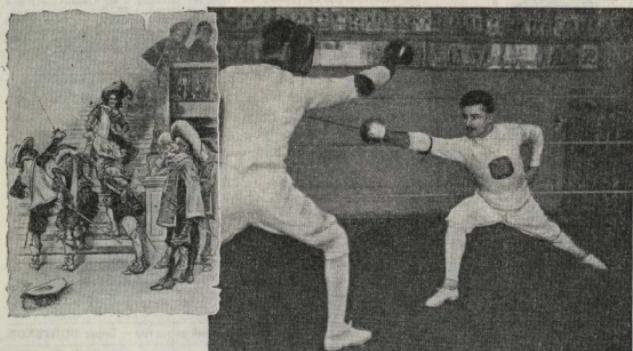

Разнообразие и многообразие техники фехтования. На снимках: несколько моментов боя на эспандорах между мастерами фехтования капитаном В. Вышпольским и полковником Ю. Мордовиным.

Фото Г. Борисова.

эспандором, знакомо всем сильнейшим мастерам: оно молниеносно и почти всегда точно.

Чемпион совершенствует свой мастерство на тренировках. Никогда он не забывает себе только оличную рапиру. Если в поединках он занимается с одним из тренирующей по спортивному оружию, то в среду тренируется уже с другим. Подобно боксёрам, прыгающим спаринг с противниками разных весов, мастер фехтованием проверяет себя на нескольких партнёрах. Кстати, Владимир Вышпольский лучше всех в СССР является рапирой и эспандором. Его тушё-туше чёмпион.

Чемпион СССР по фехтованию капитан Владимир Вышпольский на тренировке (справа); слева — старинная рисунок — мушкетёра.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера Василия Смысloва

ОКОНЧАНИЕ № 1

Молодой московский мастер В. Смыгин успешно выступил в разыгрыше первенства Москвы по шахматам 1944 года, где он поднялся седьмое и восьмое места с мастером Пинским. Игра Смыгина отличается оригинальностью и свидетельствует о его серьёзных комбинационных способностях.

Приводим окончание интересной партии, игравшейся в этом чемпионате Смыгина (чёрные) против Загорянского (белые).

Чёрные: Смыгин.

Белые: Загорянский.

Положение, изображённое на диаграмме, возникло после 24-го хода белых. Чёрные осуществили изящную комбинацию.

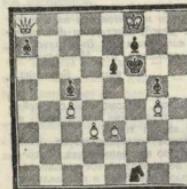
1. $\text{d}3 - \text{d}2!$
2. $\text{Kf}3 - \text{d}2$
3. $\text{Se}1 - \text{f}2$
4. $\text{Kd}2 - \text{b}3$

Можно было продолжить сопротивление, играя $\text{Fb}5 - \text{f}3$, и тогда лишняя пешка обеспечивала чёрным победу. Теперь следуют короткий финал.

4. $\text{Se}0 - \text{f}2 +$
5. $\text{Kf}1 - \text{f}2$
6. $\text{Kpf}2 - \text{f}1$
7. $\text{Fb}5 - \text{g}8 +$
8. $\text{g}2 - \text{g}3$
9. $\text{Kpf}1 - \text{gl}$

10. Белые сдались.

ЗАДАЧА № 1

Мат в три хода.

НАЙДИТЕ ВЫИГРЫШ

Ход белых.

ОТВЕТЫ

ЗАДАЧА-ШАТКА «КТО ВЫ ИГРАЕТЕ?» (№ 3-2) Выигрывают белые. 1. $\text{Kb}4 - \text{c}5$; 2. $\text{Kb}5 - \text{d}5$; 3. $\text{Kb}6 - \text{d}7$; 4. $\text{Kb}7 - \text{d}6$. Игра белых закончена, так как король белых остался на месте бояни (одна из пешек уничтожена). После этого белые забирают пешку и переведут короля на $\text{e}8$. В ответ черные переводят короля на $\text{e}7$. Тогда решает ход $\text{g}3 - \text{g}4$, вынуждающий чёрных отдать слона, а за них и мат.

БОТВИННИКУ

Первого июня в Москве начнётся XIV шахматный чемпионат СССР.

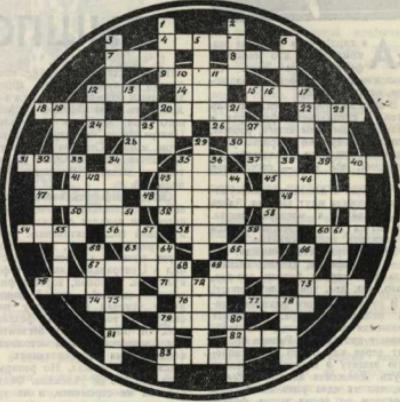
Завет спортивной старины
Сегодня соблюда свято,
Бессменный чемпион страны
Подъёмлет флаг чемпионата.

Чем завершится жаркий спор?
Какие выпустят торпеды
Смыслов, Линьшин и Флор
В непотопляемый линкор
Его очередной победы?

А. ИГЛИЦКИЙ.

Кроссворд

Составил читатель «Смены» Вл. Сергеев (гор. Черкесск)

НО ГОРИЗОНТАЛЫ:

4. Американский писатель. 7. Солдат существовавших раньше кавалерийских частей. 8. Изобретатель двигателя внутреннего сгорания. 9. Опера. 12. Член сокращения советской армии. 13. Красногвардейский генерал-полковник. 20. Переезд племени горлов. 22. Река в СССР. 24. Идолитическое растение. 30. Восточное созвездие в драме. 34. Древнерусская плащаница. 37. Известный писатель. 39. Французский писатель. 41. Поток, ущерб. 43. Испанский государственный деятель. 45. Топин, загород. 47. Учёный. 48. Рынок. 49. Гражданство Родины. 50. Страна в Азии. 52. Дом. 53. Часть струйного инструмента. 55. Именованное макроиздательство. 59. Верхняя одеяшка. 59. Парень в игре. 69. Начало эпохи парусного судоходства. 60. Маркиз. 69. Нарушение верности. 70. Жильё для кошек. 71. Муромец. 73. Часть инвалида. 74. Представитель народности Востока. 76. Промышленный центр в Азии. 77. Разладчивость. 79. Знак необесцветенного горючего. 81. Гла. 82. Птица. 83. Сказочное существо.

ВЕРТИКАЛЫ:

1. Часть издания. 2. Бог любви в греческой мифологии. 3. Помеха. 7. Родина. 8. Планета, звезда. 10. Положительное значение этого слова. 11. Созидающий. 12. Город в Болгарии. 13. Продукция лесопромышленной промышленности. 16. Опом. 17. Женское имя. 19. Материал для обивки мебели. 20. Виды в дикорастущих чайках для создания. 21. Химический элемент. 23. Народная сказка в драме Р. Б. Шекспира. 25. Женское физическое состояние тела. 29. Волнистые, участвующие в боях бабки. 32. Минерал. 33. Восточно-музыкальный инструмент. 34. Глыба. 35. Камень, камните. 38. Переезд. 39. Путник. 39. Бык. 39. Эпитет. 40. 42. Чёрная лягушка. 43. Агротехнический термин. 44. Продукт питания. 46. Окончательность речи. 51. Драматургический замысел. 53. Страна в Европе. 55. Французский композитор. 57. Древнегреческий герой. 58. Страна в Азии. 60. Страна, где родился Ильин. 61. Птицы-птицы. 62. Помыть. 64. Орудия казни и пыток. 65. Женское имя. 66. Страна в Азии. 68. Домашнее животное. 69. Женское имя. 72. Стальные монеты. 75. Ракушка. 78. Винное подразделение. 79. Узловое изображение. 80. Механизм для подъёма гибкостей.

ОТВЕТЫ

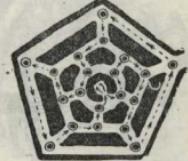
Чайновский-кроссворд (№ 5)

1. Победа. 2. Армия. 3. Ядро.
4. Отпор. 5. Разведка. 6. Аланас.
7. Слава. 8. Алю. 9. До. 10. Огрид.
11. Диод. 12. Дот. 13. Трос. 14. Салют.
15. Тула. 16. Амара. 17. Аспид.
18. Диск. 19. Карниз. 20. Зал.
21. Луг. 22. Галлон.

Фотороб (№ 6)

Быстро и пылко — душа на-
стоящей войны.

Суворовская задача (№ 3-4)

Ответственный редактор — Борис ВОЙТЕХОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

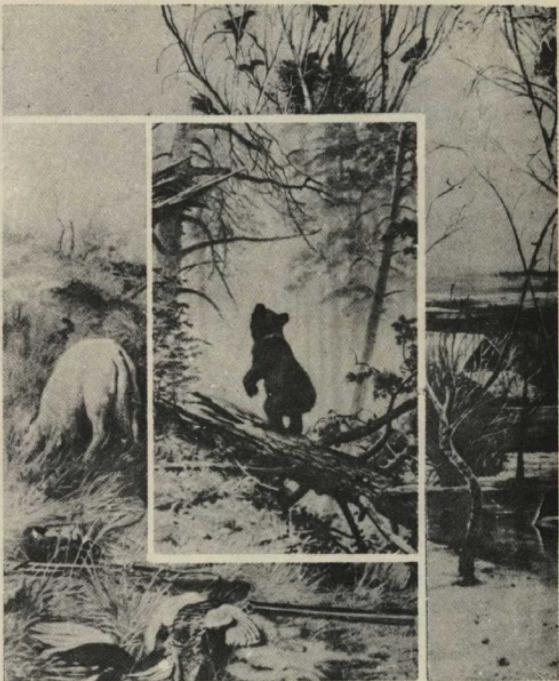
А 5672. Формат 21×110 см. 2½ печ. л.

8н. в печ. л. 98.000. Тираж 30.000 экз.

Изд. № 408. Зак. № 960. Подп. и печат. 5/VI—45 г.

Типография газеты «Правда» имени Остапкина. Москва, ул. «Правды», 24.

Знаете
ли
Вы
эти
картины

Цена 4 руб.

